

Александр Левин

Вчерашняя мышь

Александр Левин

Вчерашняя мышь. Сборник прозы

«Издательские решения»

Левин А.

Вчерашняя мышь. Сборник прозы / А. Левин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901793-2

Что если людей в будущем почти не останется, а управление цивилизацией возьмут на себя машины? Что если мыльный пузырь надежд на светлое завтра лопнет, а человек откажется это признавать? Что если ты проснешься через пятьсот лет, увидишь, что никто-таки не ушел обиженным, но тебе в этом мире не место? Что ты будешь делать? Семь историй о людях, изувеченных надеждами. Света в конце тоннеля уже давно нет, но каждый из них все еще верит и все еще способен на поступок. Но это неточно.

ISBN 978-5-44-901793-2

© Левин А.

© Издательские решения

Содержание

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЦИЕНТ	6
Лебедев	6
Ахав	7
Шульгин	8
Лебедев	10
Ахав	11
Шульгин	12
Лебедев	14
Шульгин	15
Лебедев	17
Шульгин	18
Лебедев	19
Шульгин	20
Ахав	21
Шульгин	23
Лебедев	24
Ахав	26
Шульгин	28
ОСТРОВ IV	29
I	30
II	32
III	34
IV	37
V	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вчерашняя мышь

Сборник прозы

Александр Левин

© Александр Левин, 2017

ISBN 978-5-4490-1793-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЦИЕНТ

«Как реагировал бы на крест вампир-мусульманин?»
«Я – легенда», Ричард Матесон

Лебедев

– Входите.

Перед Лебедевым появилась дверь. Он вошел и оказался в небольшом светлом кабинете. За столом у окна сидела красивая женщина с выразительными синими глазами.

– Сингулярность, – Лебедев кивнул.

– Здравствуйте, Лебедев, – сказала Сингулярность и махнула рукой, указывая на белый диван у стены.

– Садитесь.

Лебедев сел, осмотрелся. Через некоторое время понял, что окружающее пространство успело обмануть не только левую теменную долю, но и обонятельный нерв: запахло цветами и чем-то кислым.

На самом деле, напомнил себе Лебедев, нет никакого кабинета. Никакого окна и никакой женщины.

– Как вы себя чувствуете, Лебедев?

– Прекрасно, спасибо.

– Как вы знаете, – Сингулярность внимательно смотрела на Лебедева, чуть склонив голову влево, – в моносупериальной коммуне М-7 произошла *страшная* авария.

Сказав это, Сингулярность встала из-за стола, обошла его и села на столешницу, сложив ногу на ногу.

– Колония Д-22 *полностью* уничтожена.

Лебедев с трудом отвлекся от созерцания красивых длинных ног в чулках в сеточку, и медленно поднял взгляд.

– Мы считаем, что это был теракт. Мало того, один или несколько террористов находятся в М-7 до сих пор. Запланирован второй удар. Под угрозой резервный генератор.

Д-22, подумал Лебедев, – один из ключевых блоков Фермы с этой стороны океана. То-то они забеспокоились.

– В деле двое подозреваемых, – продолжала Сингулярность. – Уничтожить их мы не можем. Поэтому...

– Но хотелось бы, а? – перебил Лебедев. – Пуф! – и изобразил «пуф» пальцами обеих рук. – Нет террориста – нет проблемы. М?

Сингулярность проигнорировала. Получилось даже слишком по-человечески. Не зря Лебедев еще в последнюю их встречу подумал, что Большая Мама с этими своими платьями, юбками и помадой тоже хочет податься в автономы. Ресницы, блеск для губ, блузка расстегнута на одну пуговицу больше положенного...

– Вы должны выяснить, кто из подозреваемых скрывается за ложной личностью, и *помочь* обезвредить террориста.

– А отказаться мне нельзя? – Лебедев даже головой мотнул, отгоняя похабные картинки.

– Других специалистов подобного профиля у нас нет. Поймете на месте.

– Мне что, придется туда ехать?

Сингулярность изогнула тонкую бровь.

– Да, Лебедев, придется. Отправляйтесь сегодня.

Ахав

Д-22 – это часть Фермы, амигдалная сеть, на обеспечении которой был не только сервер Разума М-7 и все местные коммуникации, но и связь с экзогогородами в этой части Евразии. Она рухнула... Имеется в виду *грязный* календарь?

Она рухнула 22 июня 2141 года. В этот день все кончилось. Я расскажу.

В жирных черных тучах над городом бесились злые быстрые росчерки белых молний. Лил дождь. Рокотал гром. Для меня все это было где-то далеко, пусть мы и находились в самом сердце непогоды. Над городом, ошетилившимся частоколом небоскребов, медленно, точно огромные неповоротливые рыбы, парили платформы. А существа (ведь правильно говорить «существа», а не «люди»?), населяющие М-7, продолжали совокупляться, есть, пить и делать прочую биологическую чушь.

И вот что я вам скажу: никто из них не понял, что умер. До сих пор не понял.

Д-22 – мой дом... нет, это я и был, мое существо – идеально круглый черный матовый шар. Он висел над Управлением, как огромное пушечное ядро из другой реальности, и не двигался. Внутри пульсировала черно-розово-красная каша, когда-то бывшая отдельными людьми. Так давно, что я даже не помню, кем был до слияния.

И не понимаю, кем стал после *разрыва*.

Могу сказать точно: я умер. Это я осознаю прекрасно. Вы когда-нибудь умирали, *господин комиссар*? Мне будто сунули внутрь огромную ледяную лапу и вырвали из меня... меня. Разобрали и собрали, как попало. Силком затолкали в это тело.

Индивидуалисты, скажу я вам, последние ублюдки. Почему я должен страдать в мешке с алюминиевыми костями, если кому-то захотелось откатиться к анонимности? Этот реваншизм уничтожит то, что мы... вы, комиссар, с таким трудом сумели построить.

Я был частью чего-то большого, великого. Но колония рухнула, и все мы рухнули вместе с ней. Ни во что другое я верить не хочу.

Слова – костыли. Артикуляция кастрирует смысл. Я ничего не смогу вам рассказать или объяснить, сама необходимость говорить оскорбляет меня. Давайте так. Какая конкретно информация вам нужна, комиссар? Или вы не комиссар, как мне вас называть?

Почему бы вам просто не подключится к этой болванке и не отсканировать мою память? И не надо мне тут про личное пространство... Я знаю, что вы собираетесь сказать, – *что вы должны сказать*, – но этот архаизм, возвращенный к жизни под нужды каких-то неуклюжих засранцев, в конце концов сожрет нашу систему взаимоотношений, и довольно быстро, глазом моргнуть не успеете.

Шульгин

Глеб Шульгин, 2087 года рождения. Работаю преподавателем общей теории сознания на кафедре постантропологии в Едином институте гуманитарных наук в гибридной коммуне Москва-3.

Модификаций не имею, к бионету не подключен.

Да, мир до Оптимизации я помню, хотя мне было лет пять, наверное, но... вам точно нужно именно это, комиссар?

Что меня беспокоит, когда думаю о прошлом? Я не понимаю, как люди могли существовать на таких огромных территориях. В теории все ясно, но вот как попытаюсь вообразить... Чудовищное количество людей, заключенных в искусственные границы территорий, причем не только физически, и при этом лишенных обыкновенных условий для жизни. Решительно непостижимо. Знаете, сколько душ занимало полезную площадь планеты в конце прошлого века? Не поверите – почти в двадцать раз больше, чем сейчас.

Помню какие-то скрипки... не музыка, а скорее скрежет, даже вой. Желтая бляшка луны на черном небе. Подземные переходы, откуда несет гнилой водой и дерьмом. Мужчины и женщины с красными глазами, надвигающиеся из тьмы, как ходячие мертвецы. Всё кусками. Девочки с бантиками то ли розового, то ли синего цвета, счастливые, веселые, заряженные. Шагающие в будущее под ярким солнцем перемен.

Это время вакцинации, или немногим позже...

Помню, как захлопнулась входная дверь. Трахнуло так, что с потолка упал кусок штукатурки, похожий на карту Казахстана. Я стоял в коридоре нашей старой квартиры в пятиэтажках, стоял рядом с мамой, которая пыталась не дрожать, и прислушивался к звуку шагов отца. Дело было еще до того, как наш район внесли в список реликтовых.

Шаги затихали – это уходил старый мир.

Мой отец был программистом, и он едва ли не первым попал под социальный каток. В считанные месяцы после запуска Подвала работу потеряли сотни миллионов людей по всему миру... Машинам просто не нужна оказалась наша с вами помощь.

Помню мокрые зеленые глаза мамы. Несчастливая боялась будущего. А для борьбы со страхом все средства хороши. Вот, что я помню четко, настолько, насколько сегодня вообще можно доверять памяти. Только встает солнце, но уже жарко. Воздух медленно наполняется гортанным дребезжанием, микрофон усиливает этот звук, подхватывает и волочет над домами, как ржавую цепь по песку. Этот звук – азан, утренняя молитва.

Понимаете, о чем я? Религия – самое страшное из случившегося с человеком за последние семьдесят тысяч лет, но это понятный механизм, создающий ложное ощущение комфорта.

Хорошо сохранились у меня в голове последние минуты, проведенные с мамой. Она без косметики, в черном платке, губы – страшной бесцветной ниткой, руки сильные, в глазах пустота. Мы в большой светлой комнате.

Она хотела меня спасти, от мира, где компьютеры пробираются тебе в ДНК, мира, в котором от тебя больше ничего не зависит, большого чужого мира, помещающегося на сервере размером со старый комод (вижу вы удивлены, не застали эпоху кварцевых серверов?).

Скорее всего, знаете, мать действительно готова была меня убить, и убила бы, кабы не полицейский дрон. Бам!..

И все кончилось. Имею в виду не только мамину смерть, но и эту идеологическую пакость. *Инспекторы* решили почти все проблемы, и пусть некоторые говорят, что у нас отобрали, мол, право выбора и все такое, но на кой черт оно было нужно, такое право?

Луо твердят, что это *историческая травма*, о которой ни в коем случае нельзя забывать. Важно всякий раз, по поводу и без, проговаривать этот ад. Бунт машин, геноцид, апока-

липсис... да только ЕИ не убили ни одного человека, комиссар, и это довольно забавно: всем известны факты, но помнит и понимает их каждый по-разному. Для луо Системы убивали, но на самом деле они просто позволили нам убивать друг друга... Так вот что вам нужно...

О, я восхищаюсь Системами! Иначе и быть не может. Они идеальны, они куда правильнее нас. Их решения беспристрастны и эффективны, им незачем бояться прекращения физического существования, у них не бывает кризиса идентичности. Но я никак не могу заставить себя стать... нет, даже не одним из... Такое заявление было бы слишком самонадеянным. Однако мой варолиев мост – только мой. Но не подумайте, к луораветланам¹ я отношения не имею, даже напротив. Я ретроград, да, но они, увольте, со своими дурацкими правилами, поправками и настоятельными рекомендациями, слишком прицепились к маркерам. Перестали понимать, *зачем*, сосредоточившись на том, *как*... Гламуризировали свою борьбу, через что поимели сами себя. Ведь, чисто технически, уже лет тридцать, как им попросту не с кем сражаться.

Но вы ведь именно об этом хотите спросить?

Если «настоящие» меня «прошили», то именно тогда, когда приехали «спасать»...

¹ Народ, коренное население Чукотки, буквально означает «настоящие люди»

Лебедев

– Почему бы вам просто не подключиться к этой болванке и не отсканировать мою память? Правильно говорить «существо», но Лебедев не мог себя заставить. Пусть будет «мужчина». Ахав больше всего напоминает именно мужчину: среднего роста и телосложения, без растительности на лице и голове, с большими черными глазами. Наверное, такими когда-то воображали антропоморфных инопланетян.

Лебедев дождался, пока Ахав закончит, и сказал:

– У меня нет такого права.

В голове у него крутилась какая-то мысль, которую никак не получалось сформулировать, это раздражало.

– Как вы знаете, Разум пошел на поводу у человеческих коммун, и теперь Правило Приватности обязательно для всех, этот факт лишает вмешательство в вашу биосеть смысла, даже если вы будете на это согласны.

– Хорошо.

Ахав попытался изобразить что-то на лице, но не вышло. Кислая мина непонятого назначения. То ли обиделся, то ли обделался.

– Тогда мы продолжаем? Я не понимаю, зачем это все, но да, конечно, спрашивайте.

Лебедев пустил себе по венам никотин. Похвалил себя за то, что не стал «очеловечивать» инспектора, ведь робот (а это робот, как ни крути) сейчас немедленно полез бы с этой их унылой рациональностью. Мол, наносится критический немотивированный вред здоровью и все такое. Но биологический инспектор – не советник и не друг, он не может понять и *войти в положение*. Это машина. Глупо разговаривать с машиной.

Все делают глупости, а Лебедев – нет.

– Расскажите о своей жизни после того, как Д-22 была уничтожена, – проговорил Лебедев. – При этом неважно, считаете ли вы какое-либо воспоминание незначительным. Даже если уверены, что мне это может быть известно. Рассказывайте все.

Ахав

Наверное, здесь подойдет сравнение с состоянием, в котором существо переживает созревание внутри матери при *биологическом вынашивании*. Это теплая, комфортная и правильная тьма. Ты получаешь все необходимое и знаешь все, что должен знать.

Ты на своем месте.

Представили? А теперь вообразите, что вы – незначительная часть опыта. Вам комфортно быть одним из сотен тысяч нейронов великой сети. Информация обрабатывается иначе, сотни объединенных амигдалин составляют существо, которое не в силах понять или даже услышать обычный сапиенс. Нет никаких объединенных разумов, нет разумов вообще, – это Ферма.

И вот когда колония Д-22 была уничтожена... когда какие-то... когда они решили, будто кому-то так будет лучше, каждый из нас был вынужден вернуться в свое прежнее состояние.

Возвращение было мучительным.

Да и что я увидел, откатившись к индивидуальности? Ничего нового. Нет никакой разницы между обществом начала двадцать первого века и сегодняшним, – все выглядит необязательной атрибутикой, если в корне не поменялось ничего. Люди, освобожденные от необходимости совершать работу для обогащения или выживания (капитализм... или как это там... экономика социальных реакций!), должны были создать настоящее общество завтрашнего дня. Не знаю, как это правильно сказать. Мне не хватает выразительных средств.

Становясь частью Фермы, я думал, что шагаю в будущее вместе со всем человечеством. Но где это будущее? Кровь и грязь. Художники, морфоскульпторы и поэты живого кино. Сброд. Куча окситоциновых наркоманов, которые однажды просто-напросто выпотрошат реальность...

Я не понимаю, комиссар, не понимаю, почему Системы хотят быть людьми? Существо высшего порядка старается засунуть себя в мешок с дерьмом и отключить от всех знаний мира. Автономы – это странно и отвратительно. Лично я не мог и не смог бы просто стать одним из них. Базовый инстинкт, мой друг, – желание вернуться туда, где тебе было хорошо. Хотя бы попытаться вернуться.

Я не вижу в своих действиях ничего предосудительного. Как я и сказал, они все *уже были мертвы*.

Шульгин

Луо предложили мне убежище. Если не смешно, то страшно станет точно.

Вы бывали у них в коммунах?

Они отказываются от обеспечения, которое дают машины, вырезают себе кружево и умиряют там в каменных коробках, сотнями, дохнут как мухи; хотят спасти наш вид.

Так говорят их евангелисты: спасем человечность, сохраним право быть собой. Цирк уродов... Я не знаю, почему Большая Мама их до сих пор не оптимизировала. Могут ли Системы *входить в положение*, сопереживать? Я бы не стал. Вообще заметил за собой, что просто физически не могу контактировать с датафобами. Отрицание техногуманизма сродни гомофобии начала прошлого века. Нельзя вцепляться в историю безумной мертвой хваткой и отказываться признавать, что мир изменился.

Но вот толстяк-чиновник, представьте себе, смотрит на меня своими маленькими глазами, неотрывно, слишком редко моргая, будто хочет просверлить взглядом дыру у меня в переносице, и говорит: «Видите ли, Глеб, машины лишены наших, общечеловеческих ценностей». Да, он так и сказал, можете поверить?

Луо решили забрать меня к себе, так как в гибридке я подвергаюсь смертельной опасности. Тут опасно, а там у них, среди разбитых солнечных панелей – рай земной. Честное слово, вы бы только видели лицо этого человека...

Человек... Я не знаю, что это значит на самом деле, но могу повторить то, что обычно говорю своим студентам. Человек – белковая форма жизни, наделенная сознанием, но не научившаяся этим сознанием пользоваться. Дайте неандертальцу квантовый компьютер, отойдите в сторонку и посмотрите, что он станет делать. Не знаю. Колоть орехи? Так вот мы тысячами колотили орехи. Такого определения достаточно?

Человек – это я.

Я боюсь высоты и люблю свою любовь к самолетам. О, многотонные железные птицы в небе – нечто удивительное! Мне неинтересно знать ничего про аэродинамику и прочая, прочая, – значения слов разрушили бы состояние любви, нежности, близкое к эйфории. Меня ужасно раздражает, когда кто-то лезет на территорию моих странностей, а тот мерзкий толстяк, как назло, заговорил о «новых авиационных возможностях» восточных коммун. Того и гляди, говорит, будет *старая добрая* война.

– Как вы думаете? – так он спросил. И ладно бы, сволочь, балакал что-то про экономику, социальные связи и прочую ерунду, но запел он про устройство новых моделей. Очень оно ему нравилось, это устройство. Хотя, скорее всего, он только транслировал чужие выводы и восторги, как Китайская комната, в действительности ничего не понимая и не желая понимать (впрочем, и не имея необходимости понимать).

Я в такие моменты ударяюсь в тягучие, медленные, неопределенной характеристики размышления о бесполезном по сути тестировании Харари-Хайдеггера, которое и держит на плаву нашу давно условную человечность. Ведь этот парень, а тест он прошел, клянусь, сидел там, на черном диване у стены, теребил карман брюк и был уверен, что биология все еще обеспечивает его монополию на человечность. Ждал, когда Сингулярность отдаст ему меня. Но ведь Земля не стала круглой только тогда, когда мы об этом узнали. Просто невозможно хотеть, чтобы все было по-другому, и игнорировать объективную действительность. Ни он, ни сама Сингулярность не могли заставить меня ни уехать, ни остаться.

Непонятная, точно чужая тревога тогда смешалась во мне с разочарованием и некоторой завистью, почти религиозной. И злостью, да. Проклятые выродки, приехавшие решить «мой вопрос», не смотрелись людьми. Он шмыгал носом, комиссар, был болен какой-то воздушно-капельной дрянью, которую мы победили сто лет назад, понимаете?

Они лезли, как бы смешно это сейчас ни прозвучало, в мое личное пространство. «Шульгин?» – спрашивает первый. Волнуется, покраснелся, хватая меня за руку. Потное, вонючее создание с мозгом, в вычислительных возможностях уступающим даже калькулятору, было уверено: спасти меня нужно даже в том случае, если я этого не хочу.

– Вы меня слушаете?

Я не слушал. Отказался от убежища, от любой помощи. Но, видимо, они ее мне все-таки оказали. Простите мне некоторые лирические отступления, комиссар, но мне важно, чтобы вы все поняли правильно, увидели так, как видел я. О чем вы спрашивали?

Лебедев

Сон долго не шел, а инъекцию делать не хотелось. Накопившиеся за день переживания почему-то казались настолько значительными, что просто взять и выключить их казалось неправильным. Будто только усни – и потеряешь нечто принципиально важное.

Лебедев лежал и смотрел на бледный синий свет лампы, так и сяк крутил в голове «условную человечность», но не мог сформулировать мнение на этот счет. Невозможность диалога с самим собой угнетала.

Казалось, пространство вокруг движется, будто платформа качается на ветру. Лебедев успел подумать вот что: луо вцепились в биологию только потому, что больше аргументов у них нет, так же, как аргументов сто лет назад не было у сектантов. Однако мысль эту закончить ему не удалось – уснул.

Во сне Лебедев оказался на огромной пустой площади, под ногами был серый, нагретый солнцем асфальт, а над головой – светло-голубое слепое небо. Вокруг никого, ни души, и ни звука. Но что-то приближалось: что-то огромное, страшное, как рождение. Яркое, злое.

Лебедев попытался укрыться где-то, спрятаться от опасности. Ничего не вышло: нечеловеческая сила вынула его из укрытия и потащила сквозь миллиарды голосов, стонов, криков, просьб.

Лебедев понял, что может проснуться, *должен проснуться*, но не смог. Жутко хотелось избавиться от всего этого дерьма: прочь, вы, идиоты, решайте свои проблемы сами, не нужно меня впутывать!

Чувство времени отказало: непонятно, сколько Лебедев сидел на кровати, очухавшись от жуткого сна, и сколько проспал, но вот в голову вполз тихий, вкрадчивый голос Сингулярности:

– Вам пора, Лебедев.

Шульгин

Кроме самолетов и учеников меня интересуют женщины с дефектами и собственная литературная деятельность.

Женщин в М-3 достаточно: начиная с казуалок с огромными зрачками или нейроничек в примитивной серии В, дополненных в разной степени качества, до экспериментальных Н-4.

Базовые потребности, комиссар, не выбьет даже прогрессивная датакратия: я люблю странных сломанных женщин. Они, точно старые игрушки, как зайцы с оторванным ухом, мне духовно ближе. Хотя духовность духовностью, знаете, но вам никогда не хотелось оторвать зайцу другое ухо?..

Здесь и зарыта собака, Лебедев. Заставить человека перестать быть человеком в худшем смысле, изменив форму его существования, – уничтожить человека. Я согласен с Подвалом: остановилась не биологическая эволюция, а социальная. Мы просто не можем сделать следующий шаг, потому дальше ничего нет. По крайней мере, для теперешних нас. Знаете, что у биологических людей до сих пор остались органы рыб? Ровно так же у нас остались идеологические пеньки начала двадцать первого века.

Только послушайте. Понимая, что какая-то часть мироздания просто обязана оставаться не нареченной, я, однако, продолжаю чувствовать в себе злую сосущую пустоту, куда, не задерживаясь, входит и выходит жизнь, не пойманная, не зафиксированная, неопределенная. Это кажется недопустимым.

Я ощущаю потребность в создании определенных, скажем, массивов информации, и они, даже никому не нужные, не кажутся мне бессмысленными.

В этом соль: не ощущать бесполезным нечто, полностью лишённое практического смысла. Вы скажете, что в этом нет логики, и я соглашусь. Но существует ли необходимость в логике? Не есть ли бич человека тот самый «здоровый смысл», воспитанный культурным контекстом? И не есть ли борьба с ним – суть социальной эволюции? Я с удовольствием сражаюсь со здравым смыслом, Лебедев. Мне не нужны решения и ответы, только процесс. Ответы вообще штука вредная.

Системы, например, если верить проповедникам прошлого, – есть всеобщий ответ. Но появились только новые вопросы, верно? И так бывает всегда.

Да, объединение демократизирует общество, связывает людей, уничтожает саму возможность лжи, а вслед за ней сносит несколько десятков социальных наростов, на которых, как на китах, покоится «неправильный» миропорядок. Конечно, оно создает более открытый и равноправный мир. Чем больше людей войдет в сеть, я уверен, вы тоже это слышали, тем больше практической ценности сеть создаст для отдельного человека и общества в целом.

Разум и Ферма – волшебная машина самоамплификации, этернальное укрепление положительной обратной связи, которое ведет к тотальной выгоде для миллионов людей. Но что потребуется от человека взамен?

Помните, в начале прошлого века была тенденция к самоконтролю. Человек надевал тысячу гаджетов, которые следили за каждым его шагом. Потом мы отдали боевым дронам право принимать решения об уничтожении террористов. Следом появилось электронное правительство, ну а о роботизации аграрного сектора и сектора услуг и говорить, думаю, не стоит. У Систем все под контролем.

Разум есть новая, более совершенная машина контроля, которой не нужен оператор, для того чтобы принимать правильные решения. У Разума есть наше мнение, банки идей и прочая чушь, но он этим сеть почти не пользуется. Потому действительно лучше знает, что правильно. Там нет никакой души, никакого собственного мнения, но получается ведь лучше, чем несколько тысяч лет до этого, а?

Вот, что еще мне непонятно: люди, в стремлении к *оптимизации* пространства и времени, сами создали существ, которые уничтожили большую часть человечества в стремлении к этой самой оптимизации, а луо теперь сражаются за право опять расходовать время и ресурсы почем зря. Быть может, мы не умеем существовать вне системы запретов, и выходит, что наша так называемая человечность, потребность в свободе – клетка сознания, которая никогда не даст нам шагнуть на качественно новый уровень? Как вы думаете, комиссар, *в этом* есть логика?

Не злитесь, пожалуйста. Конечно, у меня есть лицензия на сексуальные контакты, комиссар, и на НВС² тоже есть, мало того, Сингулярность так высоко ценит результаты моей работы, что лицензии прологнируются автоматически, я уже лет десять не проходил никаких проверок.

Вы не хотите говорить о Разуме?

² Насилие по взаимному согласию

Лебедев

Лебедев стоял в пустом белом коридоре и пытался почувствовать, как эта махина движется, представить себе, как работает двигатель и страшно скрипят растущие из неба тросы. Резиновая тишина наполнялась эхом беснующегося за бортом грома. Камеры, в которых содержались подозреваемые, находились в этом коридоре одна за другой. Лебедев ходил между ними туда-сюда, решая, с кого в этот раз начать.

Много думал о тех словах Сингулярности: «уничтожить их мы не можем». Как тот факт, что избавиться от проблемы самым простым путем нельзя, сказывался на... самоощущении Систем? Почему опасные социальные единицы, угрожающие функционированию города и, в конечном счете, функционированию Разума, были помещены именно сюда?

С одной стороны, понятно и даже вроде как логично: подальше от земли и резервного генератора, но какого дьявола оставлять их в городе? Почему именно эти двое? Что если Системы ошиблись, и террорист остался внизу? Каким образом он уничтожит генератор? И что будет, если это случится?

Лебедев знал, что будет. Дал никотин и непроизвольно попытался вспомнить, каково это, быть там внизу, в вонючей духоте допотопной фабрики снов. Вспомнились люди в белых халатах, ядовитый зеленый свет и почему-то космос, заляпанный белыми шрамами далеких звезд.

Сначала все было просто: машины получали от людей то, что им было нужно. Никакого гуманизма. Теперь, в стремлении быть похожими на самую бесполезную из белковых форм жизни Системы и сами запутались в том, чего хотят.

Лебедев передернул плечами, глубоко вдохнул, медленно выдохнул, глядя на свои растопыренные дрожащие пальцы. Возможность оказаться в состоянии неопределенности пугала, но возможность *чувствовать страх* будоражила, как наркотик.

Он почти инстинктивно вызвал на линзы карту социальных реакций, не столько для того, чтобы проверить, как там у них внизу дела, сколько чтобы почувствовать хотя бы номинальное одиночество. На карте зеленое и желтое. Все тихо.

Здесь, на платформе, существ почти не было. За все время Лебедев успел встретить только двоих или троих. Поговорить ни с кем не удалось. Едва завидев его в другом конце коридора, работники спешили исчезнуть в одной из бесконечных дверей в стенах и скрыться где-то в глубине комплекса.

Лебедев убрал карту, огляделся, опять вздохнул, собираясь с духом, а затем провел рукой по индикатору слева от двери, получая доступ в камеру Шульгина.

Шульгин

Вы знаете, что еще говорят луо? «Действительная угроза кроется в том, что мы не хотим понимать общественные и политические причины тотального исчезновения нашего права на анонимность. Технологии превратили человеческое несовершенство в пережиток прошлого и уничтожили человека».

Нужно представить себе их потные лица и тон, исполненный бесполезного реваншистского пафоса.

Они сражаются за право врать. Они говорят, что технологии, любые, разрушительны и воинственно консервативны.

Диктатура свободы, – так они говорят.

Конечно, нам с вами понятно, что это бред, что сама техника никогда не притронулась бы разрушительно к земле или человеку. Нет у нее никакой воли, но между тем она показала способность улучшить человека телесно и духовно и помочь природе. Однако, может быть, по сути не будучи грабежом, техника провоцирует грабеж? Что если неискоренимый империализм личности и империализм общества не сопоставимы с безусловной свободой?

Как человек может измениться, для того чтобы формализовать новую человечность, игнорируя или объясняя себе переход в другую форму? В этом и состоит моя работа, комиссар.

Я рассказываю машинам о том, как работает механизм человека, учу их тому, что единственная возможность не превратиться в кого-то, упрямо и слепо следующего своей оторванной от жизни теории, единственный для сегодняшнего человека действенный способ борьбы с солюционизмом – непоследовательность.

Можете себе представить, что говорят мне ученики? Думаю, можете. И в условиях этой бесполезности, инертного существования, полнейшей теории, которой не было видно конца и края, я получаю возможность применить свои знания и умения на практике. Разве вы бы не согласились?

Сингулярность сказала, что в М-7 проник казуальный человек. Он скрывается среди жителей под видом простого нейроника или же даже автонома. *Машины не знают, кто из них не машина.* Готовится теракт. Как стало известно Управлению, луораветланы хотят уничтожить местные сервера Разума.

Я приезжаю в качестве психолога-консультанта – в коммунах вроде М-7 наблюдается удивительная страсть к архаике. Мне нужно определить круг подозреваемых, подкрепить подозрения результатами теста, указать на детонанта Контролю – и на этом деле конец. Звучит захватывающе и не слишком сложно.

Но я не успел.

Скажите, господин Лебедев, вы считаете, что детонантом *действительно* могу оказаться я? Правда в том, что я не берусь отстаивать свою память. В искусственную личность можно завернуть все что угодно. Я хочу верить, что помню именно свою, а не чью-то чужую жизнь, но если вы решите, что это подложка и где-то внутри скрывается террорист, который уничтожил Д-22 и вот-вот доберется до Разума, я поверю вам.

Лебедев

Никотин порядком ударил в голову. Лебедев взялся одной рукой за подбородок, а вторую положил на затылок и громко хрустнул шейным позвонком. Хотелось есть и спать.

Реальность выматывала.

Слова Ахава не вызывали никакого эмоционального отклика, пусть и должны были.

– И когда вы поняли, что собрать Ферму заново таким...

Лебедев выдохнул, потер виски пальцами.

– Собрать ее таким, скажем, специфическим способом не выйдет, вы пошли к психологу.

Его имя Глеб Шульгин. Верно?

Лебедев на всякий случай заархивировал отчет о последних десяти минутах беседы.

– Да, именно так.

Лебедев хотел спросить про убийства. Мол, как вы планировали сшить все эти мозги? Но вопрос показался мерзким. Лебедев скривился. Сначала ему даже захотелось сильно ударить Ахава по лицу.

– Что с вами, комиссар?

Лебедев дал еще никотин. Затем серотонин и окситоцин. Хрустнул пальцами и сказал:

– Расскажите о ваших встречах.

На сей раз промедлил Ахав. Его лицо на несколько долгих секунд сделалось похожим на жуткую восковую маску.

– Речь шла о... разделении. Шульгин велел вспоминать мою жизнь внутри Фермы. Восстанавливать все, что возможно восстановить, вытаскивать из памяти мысли, чувства, страхи и отделять свои от чужих. Как только я пойму или... заставлю себя понять, что не было никакого целого, мне станет легче, и я почувствую, что свободен.

– Получилось?

– Вспомнить – да, освободиться – нет. Я попросту не хотел освободиться, мне не от чего. А ведь шанс был... Я имею в виду шанс на восстановление системы своими силами. Я почти все предусмотрел, но теперь меня который день держат здесь, и я не знаю, что будет дальше. Никто не отвечает на мои вопросы. Со мной никто не хотел говорить до вашего появления. Ответьте, комиссар, чего мне ждать? Я буду уничтожен или смогу продолжить работу?

Губы Лебедева помимо воли растянулись в нервной улыбке.

– Пока я ничего не могу вам ответить, Ахав. Сначала мы закончим беседу.

– Я знаю про террориста, комиссар. Шульгин поделился. И могу предположить, что вы подозреваете меня. Дело ведь не в этом генетическом мусоре, который я перебирал в поисках приличных миндалин. Дело в том, что они здесь, в М-7. Они все еще здесь. И Сингулярности страшно потерять резервный генератор.

Лебедев промедлил секунду и сказал;

– Да, все именно так.

И добавил, не дав Ахаву раскрыть рта:

– А теперь вы расскажете о ваших встречах.

Шульгин

Я приехал сюда, движимый духом авантюризма. Это было приключение, а в наше время не так просто найти повод для органической выдачи адреналина.

Город встретил меня белой колышущейся стеной дождя. Здесь постоянно идет дождь, то ослабевая, то превращаясь в жуткий ливень. Как я устал от этого проклятого дождя! В Управлении даже говорили, что выходить на улицу людям в это время опасно. Хотя специальных инструкций, конечно, нет... Я и не выходил.

Небольшой кабинет, два старых проектора, процессор середины прошлого века. Я сидел, пил дерьмовый кофе, который в Управление привезли специально для меня, чаще всего пялился в стену, иногда принимал пациентов. Сначала ко мне приходили, точно в цирк. Посмотреть на казуала, поговорить с кем-то – ну, *с помощью слов*.

Я думал: как произошло, что во мне возникла необходимость? Как это работает? Пришел к выводу, что радикальные луо слишком похожи на тех, кого мы победили когда-то.

Я ведь говорил про молитвы?

Мы это проходили: в руках реакционной группы оказывается оружие идеологического противника, и представители этой группы перестают понимать, что используя его, это оружие, они лишают свои идеи и идеалы смысла...

Я думал: кто из них оружие? Кто из них, тех, что приходили ко мне выговориться, на самом деле голем? Детище жуткого социального протеста. Кого из них не существует? Чья история, чья боль и страдания, счастье, фантазии, мечты и планы выдуманы от начала и до конца?

Я говорил, слушал и пытался понять, боялся пропустить что-то важное.

И пропустил.

В день аварии, проводив очередного гостя, я почувствовал, что земля уходит из-под ног. Все вокруг задрожало, с потолка начала сыпаться белая пыль, и здание, казалось, готово было рухнуть в любой момент. В коридоре зажглись красные огни... которые нужны были только мне. Ни у одного из служащих Управления нет принципиальной необходимости в конкретной телесной оболочке, что бы они там ни говорили о хумафилии. Раньше здесь работали люди, а теперь людей нет, но примитивная техника, предназначенная для них, продолжает исправно функционировать. Не знаю, насколько это логично, но я был обижен.

Злился и думал, что умру, но не умер.

Спустя какое-то время дрожь утихла, и все успокоилось. Потом смотришь – а в небе, среди туч и молний, все также плавают платформы, но чего-то не хватает, знаете... Чисто технически, все в порядке, но мозг, заряженный ожиданием, моделирует сначала реакцию, а уже потом обрабатывает реальность и оказывается фрустрирован. Одна из башен Управления походила на наполовину сгоревшую свечу. Ремонтные работы не начались. Они до сих пор не начались. А я мог уехать, но не уехал, продолжил... ну, скажем, работать... Вы просили важное? Точно! После аварии у меня появился один пациент, автоном, один из разумов разрушенной колонии, существо по имени Ахав. Поговорите с ним.

В его памяти вы найдете кое-что интересное для себя.

Ахав

Тощий белый мужчина, на вид – около сорока. Бледный, с красными от недосыпа глазами. Короткие светлые волосы, бронзовая щетина с проседью. Я пришел к нему на двадцать шестой день после того, как смог ходить. Не знаю, зачем. Кто-то в центре или кто-то на улицах... кто-то сказал мне, что в башни привезли человеческого психолога, и я просто решил: почему бы и нет? Довольно глупая мысль, верно?

Мы были потеряны, все мы. Не только те, кого вырвали из Фермы и кого, как меня, удалось спасти. Новый градоначальник, этот человек, здоровенный, лысый, с толстыми руками, говорил о том, что если мы сможем пережить первый шок, то увидим жизнь, куда более полную и настоящую.

Жизнь, которую заслуживаем.

Нам... нет, скорее вам, людям, нужно-де вернуться к прикладной созидательной деятельности, и тогда все встанет на свои места. Авария – это неприятно и даже страшно, он сказал, но, может быть, стоит посмотреть с другого ракурса и увидеть возможность?

Популистская риторика – один из инструментов революции и религии. Я рассказал об этом Шульгину. На следующий день градоначальник исчез.

Рассказал я и про свои опыты. Шульгин, перебирая воздух длинными паучьими пальцами, спросил, сколько существ задействовано и есть ли какие-то результаты. Я ответил, что пока только наелся чужой грязной памяти и все. Я сыт по горло и скоро потеряю всякую надежду. Тогда-то он в меня и вцепился.

Вспомните, Ахав, говорит, давайте вместе вспомним их всех. Ратиморбия излечима! Я, помню, спросил: разве вирус идей передается не только между людьми? Он усмехнулся и сказал, что мне еще слишком многое предстоит понять.

Сначала Шульгин мне критически не понравился: скользкий тип, похожий на несуразно огромного кузнечика, длинноногий, с белесыми, словно выжженными на солнце глазами. Казуал, который считает, что может знать или понимать что-то лучше, чем я. Но за несколько недель мы притерлись друг к другу, можно даже сказать, стали приятелями.

Под его руководством я медленно и плотно погружался в болото своей памяти, вылавливая оттуда распухшие трупы тысячу лет назад забытых родных и любимых людей. Находил переживания, причины которых теперь казались смешными и глупыми, видел тысячи лиц, слышал миллионы голосов.

...Мозг не имеет ничего общего с сознанием, комиссар, вам это должно быть известно, амигдалные сети тоже своего рода суррогат, это смешно, но за столько лет, спустя столько великих открытий, мы так и не добрались до понимания природы собственного «Я». Шульгин пытался заставить меня даже не понять, но принять, заново пережить самого себя.

Я закрывал глаза и видел прошлое. Было лето, жаркое, последнее лето старого мира. Я был бессовестно молод, но казалось, что прожил долго и много повидал, многое испытал; говорил себе: многие знания – многие печали. Человечек лет где-то тридцати, дитя пограничного, странного, но еще мирного времени.

В то лето что-то случилось в моей семье. В один из дней умерла Белка. Похороны завтра. Искренне соболезнуем. Помню, как иду по пыльной улице, воздух нагрет так, что тяжело дышать, пахнет навозом, гнилой водой. Я иду туда, где в последний путь уходит один из дорогих мне людей. Вдумайтесь: последний путь. Вспоминаю, и что-то скребет внутри, будто я действительно живой – ну, в худшем смысле этого слова. Как будто то лето действительно что-то да значило.

Меня окружали последние смертные. Я не знаю вашей истории и не берусь судить, не знаю, помните ли вы, как раньше относились к прекращению существования. О, я не говорю

о «борьбе за органическую смерть», это суррогат суррогата, похлеще разгонки, я имею в виду контекст, культурно-историческую повестку, если позволите. И я существовал в ней, страшился смерти. И тоже не мог объяснить себе, что именно чувствую, теряя кого-то. В то лето я действительно понял, что такое смерть. Казалось бы, чего удивительного, но именно в этом странном воспоминании Шульгин нашел главное несоответствие.

Я не мог жить в это время. Я, если я помню именно свою историю, родился спустя тридцать или сорок лет после Оптимизации. Но чья же это была память? Сначала Шульгин был уверен, что я и есть детонант, это он мне потом рассказал, но спустя несколько встреч мы обнаружили в моих воспоминаниях еще одного персонажа. И это существо совершенно точно не может быть мной.

Шульгин

Скажу словами древнего философа, наиболее близкого мне по духу: язык есть дом бытия. В жилище языка есть человек.

Процессы, которые позволяют мозгу (или тому, чем его можно заменить) конструировать некое мистическое сознание, до сих пор остаются загадкой, но знаете, что известно наверняка? Вербализировать абстрактные концепции можем только мы, люди. Точнее, то, что от нас осталось.

Вы знаете принцип ложного равенства? Но как определить компетентную и некомпетентную сторону, если речь идет о концепциях и явлениях, которые никогда не выйдут из гипотетических категорий? Машине это непонятно. У нас, людей, есть вербальная коммуникация, которая может успокоить ум, направить его, мы можем продолжать и продолжать пытаться объяснить себе природу того или иного явления, даже не понимая, что конкретно имеем в виду. Все это известно довольно давно, комиссар.

Argumentum ad ignorantiam – аргумент к незнанию. Объявление предпосылки ложной из-за её недоказанности или верной из-за неопровергнутости. Парадигма бога, говорили они, принципиально недоказуема и неопровержима, но это ведь пример неформальной логической ошибки.

Тест Харари-Хайдеггера состоит в том, чтобы выяснить, способно ли существо обрабатывать заведомо нерешаемую задачу. Как считаете, вы способны? Что более реально – бог или черная дыра? Ведь последняя – условно наблюдаемый объект. Вы видели черную дыру своими глазами, прикасались к ней?

Хотите, я проведу тест с вами? Всего двенадцать вопросов, и мы выясним, можете ли вы называться человеком. Ладно, конечно. Простите мне дерзость, ум требует упражнений.

Я не считаю, что Ахав – тот, кто вам нужен. Это существо слишком сложной конструкции. Я не зря рассказывал о недоразвитых луо: детонанты с тонкой, уязвимой и живой историей – дело прошлого, сейчас таких уже не создают. В памяти Ахава есть кое-что странное, требующее внимания, я думаю, вы нашли это, но он не ложная личность, он не опасен. Тогда спросите меня, кого же я считаю шпионом?

Что на этот счет говорит логика?

Лебедев

Кислородная маска издавала звук, который мешал думать. Лебедев смотрел на черные тучи, они были совсем рядом, и во чреве их сверкали ветвистые синие рога молний. Дождь хлестал по боку платформы. Лебедев стоял у самого края, вцепившись в перила, и смотрел на грозу, пытаясь разглядеть в ней какие-нибудь ответы. Плащ промок, волосы прилипли ко лбу.

– Лебедев, – сказала Сингулярность. – Меня интересуют результаты.

Лебедев помолчал. Потом закрыл и открыл глаза.

Сказал:

– Генератору ничто не угрожает.

– Вы уверены?

– Да, абсолютно.

Шумы исчезли, Лебедев повернул голову налево, будто ощутив чье-то присутствие, и оказался в кабинете Сингулярности.

Светло и тихо. Женщина с выразительными синими глазами стала привлекательнее, но привлекательность эта была еще более вульгарной, животной. Сингулярность сидела на диване, снова закинув ногу на ногу. Яркий макияж, чулки, короткое красное платье, едва не лопающееся на бедрах.

– У вас есть доказательства?

– Хотите обвинить луораветлан, найдя повод для Оптимизации?

– Нам не нужен повод, Лебедев.

– А что нужно?

– Понять.

– Ничем не могу помочь.

– Вас что-то беспокоит, Лебедев?

В левый висок будто бы ввинтили толстый ржавый болт. Руки дрожали, дышать было тяжело. Прежде чем ответить Сингулярности, Лебедев еще раз прокрутил в голове картинки из своего прошлого: большой офис в Управлении гибридной коммуны, прозрачные стены, люди, одетые во все черное снуют туда-сюда, занятые какой-то серьезной и важной деятельностью...

Кто они такие, почему в памяти нет ни одного лица, ни одной истории?

Одна есть. Как будто нарочно. Лебедев помнил, что у него была младшая сестра. Веснушчатая, рыжая и смешная. Они дружили, и она должна была однажды зачем-нибудь прийти к нему в офис. Так ведь? Идет по коридору, оглядываясь, будто оказавшись в каком-то другом, незнакомом мире. Одетая в мешковатое буро-зелёного цвета нечто. Копна кудряшек, зеленющие глаза, ремешок от индийской сумки через плечо.

– Ничего этого не было, – твердо сказал Лебедев.

– Чего именно? – спросила Сингулярность.

– Кто я по профессии, скажите? Почему на такое ответственное задание решили послать именно меня?

Сингулярность не ответила. Изобразить на лице какую-то внятную эмоцию у нее тоже не вышло.

– Деактивируйте эту личность, Сингулярность. Сохраните память и деактивируйте. Ничего не... Или... Стоп!

В этот самый момент его едва не ослепила сине-белая вспышка, он на секунду потерял концентрацию, и кабинет Сингулярности исчез. Сильный порыв ветра бросил в лицо холодные

колючие капли, а потом по небу, пробирая Лебедева до костей, прокатился сердитый раскат грома.

– Подождите, – сказал Лебедев. – Дайте мне пару-тройку минут. Хорошо?

Глубоко вдохнул, на несколько секунд задержал дыхание, потом выдохнул и направился к двери. Вошел в платформу, быстро прошел по коридору. Сначала остановился возле камеры, в которой ждал Ахав, но передумал, почти поднес ладонь к сканеру. Быстро облизнул губы и прошел дальше.

Доступ разрешен. Дверь бесшумно исчезла в стене слева. Шульгин сидел за столом, скрючившись, как великовозрастный ученик за партой не по размеру.

– Шульгин, – начал Лебедев с порога.

Замученный голодный психолог медленно повернул голову.

Лебедев не двигался.

– Вы ведь считаете, что этого делать нельзя? Но если вы с этим вашим тестом правы, то это нелогичная установка, и я могу называться человеком. Верно?

Шульгин молчал.

– Отвечайте!

– Как странно все вышло... Я действительно считал, что должен был найти детонанта, жутко переживал из-за этого, но все больше и больше запутывался в них и их историях.

Шульгин отвернулся и стал смотреть куда-то туда, где стена превращалась в потолок.

– Сотни их, биооргов, машин и людей, проходили через меня каждую неделю, и я понимал, что всем им необходима какая-то помощь. Причем вне зависимости от того, оказывались ли они людьми в моем представлении. Нет, скорее, конечно, в представлении теста.

– Ближе к делу! – Лебедеву страшно нравилось чувствовать гнев и нетерпение. – Даже сам факт того, что я пришел к вам, означает, что ваш тест не работает.

– Я перестал видеть какой-либо смысл в человечности, друг мой. Среди сотен миллионов когнитивных искажений, наполнивших существа люботов и людей, я потерял нить, потерял зацепку, которая могла бы привести меня к ответу. А затем все было кончено. Чувство безысходности освободило меня. Я все понял.

– Ничего вы не поняли.

Лебедев сделал полшага вперед.

– Вы больной человек, Глеб.

– Нравится думать, что можете существовать вне пределов логики? – Шульгин ожил. – Тогда попробуйте, Разум, возьмите на себя ответственность. Уничтожьте эту штуковину.

Ахав

Была темнота. Через неопределенное количество времени в этой темноте раздался звук, как бы механический вздох. Больше ничего не изменилось и долго не менялось. Спустя еще какое-то время к нему, тому, кем я был, начала возвращаться память: он понял, кто он, где и почему оказался.

Узнавание не сопровождалось эмоциями: я никак не оценивал эту темноту, я ничего не думал про опыт, слой за слоем восстанавливающий мою личность. Лучше все-таки сказать «его личность», потому что отдельный от него я тоже существовал, как сознание внутри сознания.

Говорю «он», но там было другое, вы просто вряд ли поймете, ну или я не сумею внятно объяснить механизм идентичности этого существа. Пусть останется «он».

Выйдя из глубокого сна, чем-то похожего на нашу с вами смерть, он активировал сенсоры обработки внешней информации. Так будет правильнее, я сомневаюсь, что «открыл глаза» будет полностью адекватно реальности: эти существа иначе воспринимают и интерпретируют окружающее.

Он очнулся на космическом судне на орбите Земли. Был из тех, кого разбудили в самую последнюю очередь. В его сути я нашел много чего забавного и странного, даже удивительного, но если попытаюсь рассказать, то опять ничего не выйдет. Ведь и без того получается ужасно, просто омерзительно...

Вы чувствуете ложь, чувствуете, что хлипкая конструкция из ваших слов не способна внятно передать то, что я хочу описать? Внутри Фермы мы, все мы, сотни самых разных существ из разных времен, были единым целым, знали друг друга насквозь, а сейчас выходит, что мне как будто бы нужно попытаться поделиться «чужим» опытом. Не чужим.

Шульгин настаивал именно на этом слове. Он неплохой человек, умный мальчик, которому остро недостает инструментов. Поэтому мне, кстати, хотелось показать ему иной уровень коммуникации. И знаете, есть ощущение, что он был к этому готов, особенно тогда, когда узнал про существ...

Создания. Они. Простите, опять сбиваюсь, поганая необходимость осуществлять эти дыхательные... движения? Дыхание, вербальные коммуникации, потребление пищи. Тело человека, сознание человека, – такие глупые и бесполезные штуки, даже учитывая все наши технологические инновации, эти ужимки, которыми мы прикрываемся, чтобы задавать себе все меньше и меньше вопросов.

Вы никогда не думали, почему все обстоит именно так? Вас окружает общество филистеров, которые создают ничего из ничего, называя это постискусством, при этом представляя собой совершенно лишенный смысла социальный нарост. Слабые, глупые, злые. Они столетиями миллионами уничтожали себе подобных и не вымерли, даже создав собственного убийцу. Как они выжили, как вы выжили? Пять, десять, сто пятьдесят тысяч лет? Может, что-то не так с хронометром? Я объясню.

Они здесь. Не думаю, что вам необходимо знать, как именно, но судно постоянно связано с М-7. Местный сервер Разума – это что-то вроде командного блока, важная часть операционной системы, управляющей терраформированием. Используя грязный календарь, летоисчисление и распределение времени, от которого, формально, успели отказаться лет шестьдесят назад, мы можем сказать, что с момента их появления прошло чуть менее тридцати лет. Смешно звучит. Но память – дело такое, в нее можно упаковать сколько угодно времени.

Социальный эксперимент зашел в тупик: они прогнали несколько сотен сценариев развития цивилизации, и ни один не дал ожидаемого эффекта. Какого именно? Я опять сдамся

и не стану искать слова. Эффективное гуманистическое общество? Звучит, как дерьмо. Ответов у меня нет, только ощущения. Чужая свобода, чужой страх и чужое предвкушение.

В тот момент, когда Шульгин сказал, будто все это может быть правдой, в городе был опять введен «красный код» Сингулярности. Опасность террористической угрозы или как там это правильно называется? У нескольких сот окружающих нас существ просто выключилось самосознание. Довольно жуткое зрелище, попытайтесь вообразить. Внутри Фермы мы были что-то и отдельное и целое сразу, а здесь получается, что все эти художники будущего, шлюхи и кандидаты в очередь на поезд в дивный новый мир, архитекторы реальности и прочие бездельники, – сборище кукол, в голову которых может по щелчку загрузиться управляющая миром нейронная сеть.

Город смотрел на нас глазами Подвала. Во всех слоях, куда только не кинься. Нас скрутили, сунули в лифт и затолкали сюда. Но все это было бы действительно неправильно, страшно, плохо или еще как-то, если бы не тот факт, что все мы, все, абсолютно все наши метания и победы, мечты, планы, опыт и старания, – выдумка, фикция, тренировка, а сами мы не плод биологической или социальной эволюции, а выдутая из огромного аппарата гелевая масса, похожая фекалии или мороженое.

Он был среди нас. Он хотел забыть правду и жить во лжи. (Может быть, он и придумал эти бинарные категории). Шульгин нашел его. Точнее... ну да, чисто технически – нашел. Выполнил свою работу. Сначала мы решили, что это ложная личность, которую так заковыристо упаковали луо, пусть и непонятно, на кой ляд. Представитель внеземной цивилизации должен отключить передатчик, который связывает нашу планету с космическим судном, которое, в свою очередь, прибыло на орбиту совершенно пустого, молодого мира всего тридцать здешних лет назад. Инопланетянин так втянулся в тренировочный быт, что отказывается возвращаться к своим и хочет разорвать связь с кораблем, сделав искусственную память человечества реальной.

Разорвать связь – уничтожить Ферму, резервный генератор и сервер.

В целом звучит стройно, так сказал мне Шульгин после шестой или седьмой встречи, пусть и немного безумно. Банально и весело.

Но в какой-то момент я понял, что Шульгин начал верить в это. А сомнения убивают продуктивность. Поэтому он ничего не смог ответить, когда Сингулярность спросила, не обнаружен ли террорист и могут ли они, мол, быть уверены, что второго удара точно не будет... Ладно, к делу.

Вы думаете, что я детонант и все мои объяснения – бред собачий? Скажите. Произнесите это, комиссар. Давайте закончим.

Шульгин

– Нравится думать, что можете существовать вне пределов логики? Тогда попробуйте, Разум. Возьмите на себя ответственность.

Тот помолчал с минуту, глядя куда-то сквозь. Шульгин покорно ждал. Осталась чистая формальность.

– Пожалуй, вы правы.

Лебедев казался расстроенным. Из него будто разом выбили весь задор и решительность.

– Прав?

– Да, слишком большой риск. Что, если я не разорву контакт, а правда уничтожу себя?

Шульгин ожидал другого развития событий. Как обычно, впрочем. Лебедев зачем-то оглянулся назад, будто из коридора в камеру должен был кто-то войти, потом посмотрел на Шульгина, тяжело вздохнул.

– Лучше перестраховаться. Что мне делать?

– Ничего особенного. Основное вы сделали.

Шульгин закрыл глаза, отсчитал семь секунд и открыл. Вместо лохматого человека на пороге камеры со стеклянной стеной вокруг был железнодорожный вокзал. Людей не было, но в остальном дизайн удался на славу: чего уж там, коллективная память показывала почти стопроцентное совпадение. Дряхлая зеленая морда старого поезда, лотки с фруктами, полуразбитые пути, указатели и черное лоно подземного перехода с третьего пути в здание вокзала.

Шульгин стоял возле вагона №1 с головы состава. Напротив него, у двери в вагон, стояла Сингулярность: грузная женщина прилично в возрасте, одетая в сине-желтую форму проводника. Маленькая пилотка на ее большой голове смотрелась нелепо.

Пахло каменной пылью, было жарко и душно, над головой висело серое небо без облаков. Шульгин захотел найти в заднем кармане брюк помятую пачку сигарет и нашел – вынул, вытряс одну на ладонь, сунул в рот.

– Здравствуйте, Сингулярность.

Смеха ради крутанул ладонью в воздухе, как делали фокусники в мертвом кино, и в руке появилась зажигалка. Прикурил, затянулся, с наслаждением выпустил дым. Усмехнулся.

Опыт человека курит опыт сигареты.

– Отлично у вас тут все работает, честно слово. Всякий раз поражаюсь.

Сингулярность никак не отреагировала, стояла и смотрела на него, как на музейный экспонат.

– От меня нужно что-то еще?

– Ничего, вы свободны. Администрация М-7 выражает вам признательность за работу.

– Да не за что, обращайтесь.

– Вы можете выбрать любое тело в любом из городов Разума. Еще не решили? Могу перенаправить ваши данные туда, куда скажете. Прямо сейчас.

– Спасибо, не надо. Я пока не готов. Надеюсь, у меня есть такое право?

– Конечно, Шульгин, Правило Приватности. Желаете вернуться в М-3?

– Было бы, конечно, здорово. Если можно.

– Проходите.

Шульгин вошел в вагон, прошел немного по узкому коридору, открыл дверь в купе, боком протиснулся мимо огромной раздутой клетчатой сумки, и сел на полку. Вынул из заднего кармана потертую фотографию, некоторое время смотрел на нее (на ней была хрупкая девушка с кудрявыми рыжими волосами), потом вздохнул, убрал обратно, лег и повернулся лицом к стене. Через некоторое время поезд тронулся.

ОСТРОВ IV

*«Фанатик – это человек, который не может изменить взгляды и не может
переменить тему»*

Уинстон Черчилль

I

Люди одеты в защитные костюмы белого цвета и потому похожи на инопланетян или космонавтов.

– Осторожно, пожалуйста, – в голову слева вполз голос, принадлежащий женщине.

В этот момент Андрей вспомнил, что он Андрей, а еще вспомнил, что бывают женщины и мужчины.

Невозможно сосредоточиться ни на одной мысли, во рту сухо. В горле горечь. Память затвердела, хрустела теперь, как кости, болела, как приходящие в движение мышцы, ныла, как вены, по которым опять потекла кровь.

«Мы пришли с миром от имени всего человечества» – Андрею понадобилось больше минуты на то, чтобы усохший за восемьдесят лет мозг смог идентифицировать смысл букв. Надпись красовалась над стеклянной перегородкой метра два в высоту, за которой...

– Не бойтесь, – неразличимая женщина в белом будто бы читала мысли.

– Это всего лишь камера дезинфекции. Скоро все будет в порядке. Входите.

Голоса точно неживые, как диктофонная запись, а за стеклами шлемов было не разглядеть лиц. Впереди оказалось огромное помещение, похожее на кунсткамеру, и Андрей попытался сопротивляться, но тело не слушалось.

– Не волнуйтесь.

Из правой стены выползли головки лазерных пушек. В памяти сию секунду всплыл разговор с Зориным: вот он, профессор, сидит за столом в своем кабинете на втором этаже НИИ, названия которого Андрей не помнил. Профессор мягко улыбается и говорит, что... Что он говорит? Что-то про лазеры?

Внутри «камеры дезинфекции» было еще несколько (или несколько десятков) человек. Почти все еле-еле держатся на ногах, лысые и костлявые, как военнопленные. Озираются по сторонам, открыв рты, нерешительно тянут друг к другу руки.

Андрей даже не успел внятно сформулировать какую-нибудь любую мысль, только обернулся и увидел, как стеклянная перегородка опустилась, отсекая «камеру» от внешнего пространства, а потом все вокруг на долгие секунды залил малиновый свет...

...До НИИ Андрей добрался затемно. Перед чугунными воротами стояли и курили молодые люди. Андрей шел, даже немного ускорившись, и придумывал, как можно поговорить с ними, попытаться объяснить, что сигареты не только сильно влияют на здоровье, но и вредят окружающим людям.

Уже почти подошел, решил, казалось бы, но в последнюю секунду не нашел слов и прошел мимо.

«Влияют на здоровье», – прокрутил в голове. – «Какая дурацкая фраза».

Кабинет, серый город за окном, стол, за столом Зорин.

Говорит:

– Этот проект – очень важная инициатива, и мы не откликнуться на запрос не можем..

Бывший митрополит, а ныне... ученый муж, человек большой полноты, почти лысый. Без бороды он выглядел как-то неуместно и даже глупо. Говорил, да всё не смотрел в глаза.

Андрею тоже было стыдно и горько оттого, что служители Господа находятся в таком смешном и плачевном положении.

– Ты отправляешься не один, – батюшка Феофан, прекрасный собеседник, замечательный друг и наставник, затухал на глазах. А ведь еще в прошлом году все было иначе.

– Всего от нас предложено пятнадцать человек. Вот, посмотри, пожалуйста. – Зорин взял в руки папку, лежавшую все это время перед ним, посплюнявил пальцы и открыл на одной из страниц.

– Уточни, пожалуйста, когда окажешься в центре, оружие ли это, и зачем оно будет использоваться?

Андрей принял папку. На схемах были лазерные пушки. Цифры, параболы и другое. Андрей ничего в этом не понимал.

– Спасибо, что решился, – Зорин поднял, наконец, взгляд. – Я уже и не ждал. Ты... Я помню, сынок, все помню, но тут совершенно другое дело. Надеюсь, ты понимаешь, что я не стал бы тебя ни в какие списки да программы, если бы...

– Все в порядке, Аркадий Степанович. Я все понимаю.

Весь следующий день Андрей собирал справки, результаты обследований, психологические заключения. К шести поехал на могилки родителей, постоял там, чувствуя, как мокрых щек касается кладбищенский ветер. Потом вернулся в город. Видел выпускниц. Девочки, дети еще совсем. Одна поправляла чулки, согнувшись, и Андрей даже перекрестился.

Воистину говорят, Сатана – князь мира сего.

Андрею в тот год должно было исполниться тридцать четыре. Он раньше был алкоголиком, а еще раньше – священником, верил в Бога, боялся ответственности и немного скучал по дочке.

У него были веские причины на то, чтобы попытаться убраться из этого времени.

II

Еды на тарелке было немного, и по виду она походила больше на пластилин, чем на еду, но Андрею было все равно. Он так немисливо проголодался, что даже прикусил себе язык, почти до слез. Сначала не ощущал вкуса, все еще немного дрожал от холода, но, наевшись, почувствовал себя гораздо лучше. Расслабился, сыто рыгнул и тут же огляделся, краснея, но никто ничего не заметил.

Все были заняты ровно тем же, чем и он сам. Либо жадно едят, либо оглядываются по сторонам, пытаясь найти какую-нибудь точку опоры. Но в окружающем пространстве нет ровным счетом ничего знакомого.

Андрей инстинктивно вспомнил вылезшую из защитного костюма женщину. Она была милой, странной и милой. В чертах лица невозможно опознать какую-то конкретную национальность, но вместе с тем они не были размыты и унифицированы. (Андрей читал, что все люди в будущем будут уродливыми китайцами). Женщина проводила Андрея в столовую, усадила за стол и даже принесла поднос с едой. Это было около получаса назад.

– Спасибо большое!

– Кушайте. Как закончите, отнесите набор вот туда, – она немного наклонилась, обдавая Андрея приятным сладковатым запахом, и указала на большую дверь, на которой была табличка с римской цифрой «IV».

– Затем подождите, за вами придут и проводят в комнаты для тестирования. Хорошо?

– Хорошо, конечно! – Андрей не очень ее понимал, потому что нос уже сообщил желудку о запахе еды, и тот отвечал недовольным урчанием.

– Конечно, как скажете!

После еды их повели через коридор с высокими потолками, и Андрей хотел немного обогнать остальных, подойти к провожатому да поинтересоваться, почему все хранят странное молчание, что происходит, где они оказались, и что это еще за «тестирование», но не смог придумать слова, с которых можно было начать так, чтобы не грубить и вместе с тем показаться решительным и конкретным.

Спустя некоторое время они оказались в большом помещении, похожем на зал кругло-суточного обслуживания в каком-нибудь большом банке.

Межгалактическом. Очень большом.

– Проходите к оператору, пожалуйста – сказал провожатый. – Представьтесь, назовите год и день своего рождения, а также год, в котором вы приняли участие в проекте. Далее следуйте инструкциям.

Потом провожатый прошел чуть вперед и обернулся к скучковавшимся напуганным людям.

– Друзья, добро пожаловать на станцию «Город золотой»!

Андрей не до конца понимал, что они говорят, но, во-первых, не хотел ударить лицом в грязь, а, во-вторых, рассчитывал изучить материалы во время подготовки, уже на орбите.

Главное – запомнить.

Вот как. Из вашего организма будет удалена вся кровь, а кровеносные сосуды будут заполнены слабым раствором бромистого радия-К. Емкость с радием-К также будет прикреплена к вашей сердечной мышце. После этого вы будете помещены в специальную капсулу, заполненную пермагатолом.

– Вам все понятно? – красивая девушка с рыжими волосами посмотрела на Андрея и одарила его дежурной улыбкой.

– Или необходимы дополнительные пояснения?

– Все предельно ясно. Спасибо.

Но, как выяснилось, времени дополнительно изучить документы по проекту Андрею не дадут.

– Это называется человеческий банк, – проговорил мужчина в желтых резиновых перчатках.

– Сам процесс называется архивация человеческого материала. Я должен повторить, что опасность для жизни имеется, хотя предварительные тесты показали, что она практически сводится к нулю.

– Я понимаю, – сказал Андрей, чувствуя, как его члены сковывает приставучий липкий страх. – Я достаточно ознакомлен с материалами проекта, спасибо. Можем начинать.

Не хотелось показаться некомпетентным. Свершалось великое дело, и Андрей теперь был его неотъемлемой частью. Успокоил он себя в итоге тем, что все-таки получит время изучить проект подробнее, но уже после того, как окажется в месте назначения, и, к тому же, если честно, цели его далеки от науки. В сущности, эти знания в его голове будут лишними. Каждый должен заниматься своим делом.

– Сначала будет немного больно, – сказал мужчина в желтых перчатках.

Андрей теперь старательно восстанавливал в памяти лицо этого человека, но вспомнить никак не получалось.

– Вы готовы?

Резкая боль пронзила бедро. Андрей, несмотря на то, что подготовился к чему-то подобному, все равно заорал.

– Потерпите. Осталось совсем немного.

Тело стало тяжелым, словно чужим. Где-то в мозгу будто бы образовалась черная дыра, которая теперь всасывала существо Андрея, как какой-то невероятной силы пылесос.

Лица родных в памяти подернулись частой рябью. Вот дочка играет на детской площадке. Бежит от песочницы, накрытой грибом из нержавеющей стали, к скрипучим качелям, садится и начинает раскачиваться. И смеется, как ангел.

III

Человек, сидевший с другой стороны стола, старался не выдавать эмоций. Это был молодой парень, национальность которого тоже невозможно определить по внешнему виду. Андрей мог понять, кто русский, а кто, к примеру, какой-нибудь кореец или вроде того, только глядя на таких же иммигрантов, как он сам.

Вереница сонных людей, как тело длиннющего кольчатого червя, входила в одну дверь и выходила в другую.

– Что это значит? – спросил Андрей.

Он хотел бы понять, что все это значит, но мозг, к сожалению, отказывался обрабатывать входящую информацию. «Как могла произойти такая ошибка? Вам не кажется, что звучит это несколько странно, особенно учитывая контекст?».

Готовясь к своей очереди, Андрей вспомнил все слова, которые могли показаться умными.

– Как я и сказал, – человек нажимал, торопил, но мягко. – Было проведено несколько архиваций с две тысячи пятнадцатого по две тысячи сорок второй год. Каждый из этих банков должен был быть распакован в определенное время, однако обстоятельства изменились, и произошла не ошибка... вы меня неправильно поняли, произошла рокировка. Поэтому вы здесь.

Андрей выдохнул. Дышать было приятно. Он старался казаться невозмутимым.

– Хорошо, скажите, а существует ли еще христианский приход, в котором я должен был служить?

– В какой-то мере – да, существует. Это и есть ваш приход, господин Андрей, – человек махнул рукой в неопределенную сторону.

– Собственно, ваши цели остались неизменными... ну или, почти. Как только вы и ваши коллеги будете готовы, вас направят на главный буб... На первый стэнфордский тор, тот, что на орбите первого мира. А затем... Вы ведь подключены?

Андрей попытался скрыть недоумение – не вышло.

– Простите, – пришло время уточнить. – К чему меня должны были подключить, или к кому? Я, к сожалению, не совсем вас понимаю.

– Ничего страшного. Это вы меня простите. Вы ведь из семнадцатого, верно? Минуту.

Человек зачем-то прикоснулся пальцем к виску, и глаза его вдруг заволокла белая пелена.

– Все верно. Я немного поторопился, но теперь вы, так сказать, эмоционально подготовлены. Случайности не случайны, верно?

Человек улыбнулся. Андрей ничего не понял.

– Итак, – человек что-то отметил на небольшом синем голографическом дисплее, который все это время висел перед ним, как компьютер.

– Инъекцию вы получили, инструктаж активируется после подключения. Всего хорошего, господин Андрей!

Андрей хотел что-то сказать, но не придумал, что, поэтому встал, уступая место следующему в очереди, и пошел за предыдущим к следующему столу. (За каким чертом здесь столько столов?).

«Город золотой» казался таким огромным, будто занимал всю Солнечную систему. Но со смотровой площадки Андрей увидел еще две станции.

Увидел и понял, что «Город» на самом деле размером с песочницу.

Одна станция, та, что находилась на видимом от «Города» расстоянии, по строению была такая же, как «Город» (сеть подсказала: *тороидальная*). Другая, та, что дальше, и даже с камер, подключенных к нервной системе станции, казалась игрушечной – походила на два соединенных проволокой цилиндра.

Не так.

Два вращающихся в противоположных направлениях цилиндра по 15 километров в диаметре и 50 километров в длину. Каждый цилиндр имеет шесть равных участков-полос по длине цилиндра; три окна, три «района». Более того, имеет внешние «сельскохозяйственные» кольца, 20 километров радиусом, вращающиеся с разными скоростями в целях ведения разных видов сельского хозяйства.

Промышленный блок расположен в середине (позади блока спутниковых антенн), где минимальная гравитация или полная невесомость способствуют проведению некоторых операций для производства материалов. Цилиндры вращаются, создавая искусственную гравитацию на своих внутренних поверхностях. При большом радиусе цилиндр будет вращаться со скоростью в 40 оборотов в час, имитируя обычное земное притяжение. Это Остров IV, подсказала сеть – космический город-государство, в котором провозглашена прогрессивная ноократия.

Город, убивший Бога.

Андрей стоял там, на смотровой площадке, и пытался осознать, что прошло «немного больше» восьмидесяти лет, что на дворе, черт возьми, 2735-й, и Бог очень давно мертв. То есть не как у Ницше, а на самом деле. Что ноократы («первый мир» или «старый мир» – так здесь называли Землю) в какой-то момент решили отказаться от Архива Религии, и этот человеческий банк оставался замороженным до того, как к власти пришел Антон-Аполлон Градинский, представитель романо-германской лунной диаспоры, трансгуманист, проповедующий всеобщую свободу.

«Город золотой» до последнего времени тащился за «старшей сестрой» мертвым грузом. Но теперь все изменилось. Теперь к жизни возвращены представители всех когда-либо существовавших религий на земле.

Андрей стоял там, на смотровой площадке, наблюдая, как поднимается ванадиевое забрало корабля, и открывается вид на чудовищную пустую глубину слепого космоса, и пытался понять, что чувствует.

Звёзды далеко. Из любой части Галактики. Андрей ощутил себя крохотным. Существование его, по отношению к открытиям и изобретениям человечества, которые были сделаны за последние пятьсот лет, показалось в крайней степени незначительным. Но в то же самое время духом он не пал. Напротив, Его цель, его Великая (теперь с большой буквы) миссия стала понятна более четко, стала осмысленнее, глубже и правильнее. Предательский вопрос вроде «а почему именно я» Андрей отмел сразу же. Такова судьба, значит.

В Солнечной системе всего восемь городов-спутников, и в каждом из них нужно слово Божье. Люди, которые стерли грани национальности, территорий и экономики, вместе с этим лишились самого главного – Бога. Люди все-таки не смогли покинуть Солнечную систему, и это ли не знак? Мир, данный им Господом, оказался немного больше, чем старушка-Земля, но границы все равно есть! Это ли не знак?

Огромное количество людей разуверилось в Боге. Началось это еще тогда, когда Андрей жил свою первую жизнь, но не свидетельствуют ли сила людского гения и невероятная красота и продуманность Вселенной о том, что она не появилась из пустоты?

Да, солнце, теперь закованное в прочную броню, дает человеку неистощимую энергию, дает вечный свет, но остался ли свет в человеческих душах? Да, человечество, подобно улью пчел, объединено, консолидировано, и нет больше таких, кто тщился бы искать помощи, нет больше области знаний, в которой человек был бы несведущ, но не стало ли милосердие функцией, какой-то незначительной кнопкой на голограмме? Благодарны ли люди Господу?

«За что?» – спросили бы дураки, которые когда-то давно, еще в две тысячи шестнадцатом, говорили, что религия похожа на неизлечимую опухоль мозга. За что мы должны быть благодарны какому-то богу? Теперь Андрей точно знал, что ответить. Самореплицирующиеся нанороботы, восстанавливающие отмирающие клетки организма. Вот что это? Андрей знал, что это, и, мало того, точно знал, когда это было предсказано. «Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы от всех лиц».

Глядя на черный космос, такой огромный, что не хватит и миллиона жизней, чтобы его понять, Андрей вдруг осознал, что сомнения в собственной вере, которые мучили его когда-то, абсолютно лишены смысла. Сомневаться в милости Господа не приходится. Особенно, когда тебя встречают, словно пророка. Особенно тогда, когда ты нужен, когда тебя вернули для того, чтобы нести свет.

Вспоминая глупых и злых людей своего времени, научных атеистов, чёрт бы их побрал, которых невозможно было ни в чем убедить, Андрей проговорил про себя: «Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их». Кто из них жив теперь, когда Андрей здесь?

Восстанут только праведные. Ибо «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего».

IV

Рейсовые космические корабли «Сокол 17» ходили от Первого города на Землю каждые семьдесят два часа. Андрею объяснили, что в том случае, если администрация Первого города откажется от его услуг, он может отправиться в старый мир.

– Все ясно, спасибо.

Главу администрации второго, гиперборейского сектора «Города» звали Радмила. С двумя «л». Это была очень коммуникабельная, красивая и приветливая женщина. По виду решительно нельзя было понять, сколько ей лет, а некоторая информация в базе работников станции для воскресших попадала в слепую зону, но Андрею понравилось считать, что ей около сорока. Привлекательная, видная дама. Худая и невозмутимая. Как змея. И разговаривает искусственно, будто с непривычки. Она была гораздо выше даже очень высокого человека из времени Андрея. Сейчас на ней была надета белая футболка и синий как будто бы джинсовый комбинезон, а поверх – легкая на вид курка черного цвета. Выглядело это... довольно красиво.

Андрей выяснил, что одежда сегодня практически сросшена с носителем и может менять цвет и размер по одному только его желанию, однако не мог не удивляться тому, что еще не видел людей, одетых однотонно. Все были красивые и яркие, как будто жители обычного, светлого, солнечного и богатого города.

Он еще ни разу не встречал одежды, хоть отдаленно напоминавшей неуклюжие угловатые костюмы НЛО из старой фантастики. Главное, чтобы было удобно и тебе самому нравилось. Обо всем остальном позаботится паутина. (Это остроумный синтез ткани и гаджетов, нейроволокно, которое не рвется, не мнется и, конечно, не нуждается в стирке. Оно не только помогает людям в простых коммуникациях, но и постоянно следит за состоянием их здоровья).

Андрей сидел на стуле в кабинете Радмиллы. Кабинет мало напоминал такой, каким его было бы привычно увидеть, но Андрей справлялся. Помещение больше похоже на комнату отдыха. Просторно, спокойные пастельные цвета. Радмила сидела на большом диване у стены, закинув ногу на ногу. Перед ней висел синий голографический дисплей.

Она уже рассказала, как будет проходить экспансия: кому, когда и куда точно нужно будет отправиться.

– Есть вопросы?

Радмила принимала каждого из Архива Религии по отдельности. Это приятно, чувствовалось, что женщина она обстоятельная, и к людям Бога относится с уважением. И пусть у каждого был определенный лимит времени, превышать который нельзя, но она как-то успевала спросить обо всем, даже о самочувствии.

Андрей все не решался задать самый главный вопрос – тот, что мучил его уже больше четырех недель. Но сегодня последний день в «Городе золотом», и поэтому необходимо было взять себя в руки. Вдох-выдох.

– Да, на самом деле есть один очень важный вопрос. Если позволите.

Андрей выдохнул, собрался с духом.

– Может быть, эта информация есть в сети, но попадает в слепые зоны для нашего мозга, и тогда я заранее прошу прощения, но не уточнить эту информацию я не могу.

– Говорите, конечно.

– Если я всё верно понял, религиозные институты, как и сама религиозность в... принципе, были полностью уничтожены к концу двадцать первого века. Теология... как это сказать... бесповоротно погибла, и многие столетия, многие... многие поколения жили и живут, не зная о Боге решительно ничего. Верно? Я уточнял, если позволите, у ваших коллег, и никакой информации на этот счет не нашел.

– Не волнуйтесь, господин Андрей, – сказала Радмила. – Говорите, как есть. Да, религия давно уничтожена. Но «Город золотой» эту ситуацию исправит. Хотя, буду с вами до конца честной, ранее необходимости в этом никто не видел.

– Да-да, это конечно. Я немного о другом хотел спросить. Согласно полученным мною данным, в сети просто-напросто нет никакой информации о религиях. Она полностью и... безвозвратно... уничтожена. То есть, даже теории не осталось. Так ли это?

– Да, так.

– То есть вы, например, обладая огромным массивом, несомненно глубоких знаний в разных других областях, не смогли бы отличить христианство от, скажем, ислама?

– Не смогла бы. И не совсем понимаю, зачем бы мне это было нужно?

– Что?

– Отличать. Религия есть религия.

Андрея едва не передернуло. Он сглотнул и постарался улыбнуться.

– Значит, я всё понял правильно... – выдохнул, подбирая слова. Общаться в нейросети он еще не научился. Это было очень сложно, проще поговорить, но слов он подобрать не мог.

– То есть вы не вполне себе представляете... распределение...

– Что?

– Некоторую внутреннюю цензуру.

– Что?

– Минуту. Что я хочу сказать, так это то, что все религии, наверное, имеют право на существование, однако не все из них имеют отношение к Богу.

– Я вас не понимаю, простите.

– Нужен, скажем так, определенный механизм селекции, что ли... Неправильное слово. Отбора. Выбора.

– Механизм выбора?

– Да, точно! Система определения приоритетов. Вам об этом еще никто ничего не говорил?

– Не говорил.

– А можно предложить?

– Что? Механизм?

– Да, механизм.

– Предлагайте.

– Вы не могли бы разделить религиозную экспансию на фазы? Ну, то есть, что я хочу сказать – сначала представители одной конфессии, затем, через время, представители другой.

– Хорошо, мы рассмотрим такую возможность.

Согласилась она как-то слишком быстро, так, что у Андрея осталось слишком много аргументов, высказывать которые необходимости не появилось.

– Что-то еще?

Когда-то давно, больше пятисот лет назад, Андрей почти закрыл свое сердца для света Бога, а теперь перед ним стояла задача рассказать о вере людям, которые о ней ничего не слышали.

Островитяне, первые, горожане, граждане содружества экзогородов, венерианцы, луннары, жители пояса астероидов. Всего двадцать шесть миллиардов душ от солнца до пояса Койпера. Перед Андреем стояла такая задача, в которую и поверить-то сложно. Все происходящее иногда начинало казаться сном.

И не ему одному.

Уже прилетев на Остров IV, Андрей обнаружил, что его сознание добавили в закрытую группу футурунавтов в административном слое нейросети. Там «новые золотые» из числа тех, кто уже освоил технологии будущего, обсуждали вероятность того, что проснулись мы на самом деле не через пятьсот лет, а в роевой галлюцинации непонятного назначения. Андрей не хотел в это верить. Просто пути Господни неисповедимы, вот и все. Насколько невероятен мир искусственных внеземных колоний и густозаселенных планет? Насколько он невероятнее огня, который получили древние люди, насколько невероятнее доисторической жизни на Земле и жизни вообще? Если Бог сотворил человека из маленькой бактерии, то почему бы не дать ему шанс покорить Солнечную систему?

...Полет на расстояние, равное дистанции между Землей и Марсом, занял всего восемьдесят часов. Андрей поинтересовался у пилота челнока «Первый», как это возможно, и тот ответил, что аппарат работает на микроволновом двигателе, летит за счет микроволн, колеблющихся внутри герметичной капсулы взад-вперед. Андрей, уже немного осмелевший к тому времени и, что важнее, сообразивший, что понять все и сразу никогда ему не удастся, заметил, вспоминая школьный курс точных наук, что это противоречит законам физики. Пилот, мужчина на вид около пятидесяти (Андрей вообще не видел молодых) усмехнулся и сказал:

– Это еще ничего, интересно было бы послушать, что вы скажете, когда увидите двигатели Унру на больших транспланетных судах или ледовозах.

– Действительно, – ненужно отозвался Андрей и сделал себе пометку: посмотреть, что такое двигатели Унру, когда окажется в более-менее спокойной обстановке.

– Знаете, что это такое?

– Конечно.

Когда-то Андрей не знал, зачем существует, очень боялся, что активисты из «Тенет», ратующие за религиозный налог и отмену христианского просвещения для людей, не достигших совершеннолетия, его сильно побьют однажды, но теперь их никого не осталось. Так он думал. Время расставило все по своим местам. Теперь Андрей с чистой совестью мог принять сан обратно. Белый священник в черном космосе. Дьякон Галактики.

И вот этот вот самый пилот, сейчас посмотревший на Андрея снисходительно, через время будет в его пастве, будет внимать Андрею на пути к богу. С большой буквы – Богу. Нужно только подготовиться к Симпозиуму, который будет проведен в «Городе» через шесть месяцев по «грязному календарю», как в колониях называют земное время.

Андрей был наполнен решимостью и счастлив, но только до той поры, пока не узнал, что научный атеизм люди будущего тоже приняли за религию.

V

Третья Мировая длилась всего восемь дней, а последствий оставила на пол тысячелетия вперед. На Земле почти не осталось воды.

Но раньше было еще хуже. До того, как сюда стали возить лед из-за пояса Койпера, считалось, что жизнь в Первом мире обречена. Но Земля еще не готова сложить оружие и просто принять конец. За последние сто лет она даже расцвела и почти вернула себе свой нежный, приятный цвет. Раньше взгляду из космоса предстал ржаво-желтый шар, а теперь Земля снова была голубой. Андрей видел это, когда «Сокол 17» спускался к атмосфере.

Вспомнился неприятный разговор, состоявшийся в порту одного из городов содружества. Андрей сидел на пластмассовом стуле посреди большого почти пустого зала, смотрел на голографический дисплей, где транслировались новости Острова, и пытался не думать о своем сокрушительном поражении... Люди просто не стали его слушать.

«Вы кто, православный христианин? Поговорить не хотим, у нас тут уже одна религия есть. Мультизадачность – зло. Дайте свыкнуться. Спасибо, что приехали, возвращайтесь, если что». В таком духе. Система пережевала Андрея и выплюнула в зал ожидания, куда каждые двадцать восемь часов прибывает трансториальный челнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.